

КАМЕНЬ И ДЕРЕВО В СТАРИННОМ ЖИЛИЩЕ АВАРИИ

Дагестан — «страна камня». Принято считать, что здесь все дома строились из камня. Соотношение камня и дерева, роль дерева в домостроительстве Дагестана и, в частности, Аварии не привлекали внимания исследователей: в литературе встречаются лишь упоминания о деревянных деталях в дагестанском жилище. Между тем вопросы эти не лишены интереса.

Заранее следует оговорить, что данная статья не решает сложной проблемы соотношения камня и дерева в жилище Дагестана. Цель ее — осветить положение вещей, привлечь внимание к этой проблеме.

В юго-западной Аварии, где древности во всех областях материальной культуры сохранились значительно лучше, чем в остальном Дагестане, в старых каменных домах Советского, Каратинского и Ботлихского районов внутренние деревянные столбы стоят не посередине жилой камеры, как в других районах Дагестана, а в два ряда. Один ряд расположен у самой фасадной стены, а второй в глубине, у задней стены. Балки перекрытия лежат на продольных прогонах, покоящихся на этих столбах. Все перекрытия опираются, таким образом, не на наружные каменные стены, а на эти деревянные столбы. Иными словами, говоря языком строителей, это деревянные каркасные сооружения с самонесущими каменными стенами, выполняющими только функции ограждения (рис. 1). Дома, построенные подобным образом, считались очень прочными. Информаторы отмечают, что в прошлом при вооруженных столкновениях «враг мог разрушить стену, но дом продолжал стоять». И это было, вероятно, так. В 1946 г. мне пришлось, например, обмерять старый дом Ибрагимова в с. Годобери. У дома был разрушен весь угол, а крыша оставалась на месте. В тех же районах для прочности каменной кладки в нее вводятся продольные деревянные брусья. Наружные столбы вместо каменных делаются «поленицей», из брусьев с заполнением пустот камнями.

Налицо явное недоверие к каменной конструкции в стране, казалось бы, древнего каменного строительства!

В селениях Тинди, Хуштада, Кванада, Тлондода вместо второго ряда столбов в глубине помещения сделана внутренняя продольная несущая деревянная стена из горизонтальных массивных досок-пластин, перерубленных для устойчивости поперечными стенками-коротышами. Последние образуют нечто вроде контрфорсов и оканчиваются наверху весьма своеобразными клюво- или рогообразными выступами, повернутыми вниз острием. Эти выступы не выполняют никакой функции. Балки перекрытия покоятся на самой продольной стене. Торчащие в помещении «крюки» даже не касаются потолка. Перед нами, несомненно, реликтовая форма, давно потерявшая всякий прямой смысл (рис. 3). Былое назначение ее станет понятным, если мы рассмотрим конструкцию старинного гыклуша — деревянного срубного амбара с закромами. Стенки амбара сделаны из таких же пластин, рубленных «с остатком», а «остатки» наверху заканчиваются направленными наружу во все сто-

роны подобными клюво- или рогообразными выступами, загнутыми вниз. Выступы поддерживают свесы карниза, предохраняющие деревянные стены от дождя. Наличие этих выступов здесь абсолютно понятно (рис. 2).

Этнографам хорошо известно, что хозяйственные постройки делают-ся часто по типу основного сооружения — жилища — и пережиточно могут хранить его старые, в жилище уже исчезнувшие черты. Не имеем

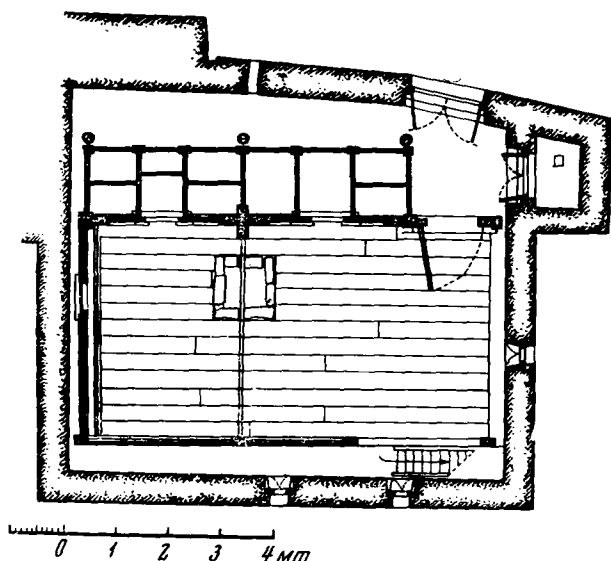

Рис. 1. План дома Абузара Ибрагима в сел. Урада Советского р-на. Показаны три ряда деревянных столбов каркаса; посередине — очаг; за деревянной стенкой — закрома двух цагъуров

ли мы и в гыклуше отражение старого домостроительного приема? Может быть, раньше и наружные стены тиндальских и багулальских домов были, как и внутренние, деревянными?

Усложненный, но родственный по форме вариант тиндальской стены встречен и в некоторых старых домах Аварии — в доме Гаджиевых в Тидибе, доме Абузара Ибрагима в Ураде, доме Гаджиевых в Гочобе. В этих домах деревянная несущая стена сооружена из отдельных крестообразных в плане срубных опор, завершающихся на все три стороны — боковые и переднюю — аналогичными клювообразными выступами, но к верхним выступам добавлены такие же выступы внизу с остриями, направленными вверх. Опора в целом приобретает форму буквы X, а промежуток между опорами — буквы Ф. Промежутки заполнены горизонтальными пластинами. В них прорезаны арочные дверки, ведущие во внутренние амбары-закрома, называемые здесь «цагъур» (рис. 4).

Другая конструкция деревянной стены в этом районе распространена гораздо шире. Она состоит из огромных плоских столбов-пилястр, образующих вместе со встроеными между ними цагъурами общую стенку. Деревянные внутренние стены в гидатлинских домах называются «цулал рукъ», что значит «деревянный дом».

Все рассмотренные деревянные стены и столбы находятся внутри жилой камеры. Но сохранились дома и с наружными деревянными стенами. Так, в с. Мачада в 1946 г. был осмотрен дом, второй (жилой) этаж которого имел с фасада деревянную стену, подобную внутренней стене в доме Абузара Ибрагима в Ураде. Промежутки между опорами были заделаны щитами. Прорезанные в щитах маленькие окна были за-

крыты ставнями (рис. 5). Реликтами клюво- или рогообразных форм в этом районе являются и совершенно необъяснимые с точки зрения логики Ф-образные окна в каркасных наружных деревянных стенах некоторых наиболее старых домов (дом Хаду Гитине в Тидибе, дом Нурмагомеда Ибрагима в Ураде и др.). В селах Ругельда и Сомода Советского района были обмерены общественные амбары-зернохранилища, по размерам приближающиеся к жилому дому. Ф-образные окна, освещающие сени,

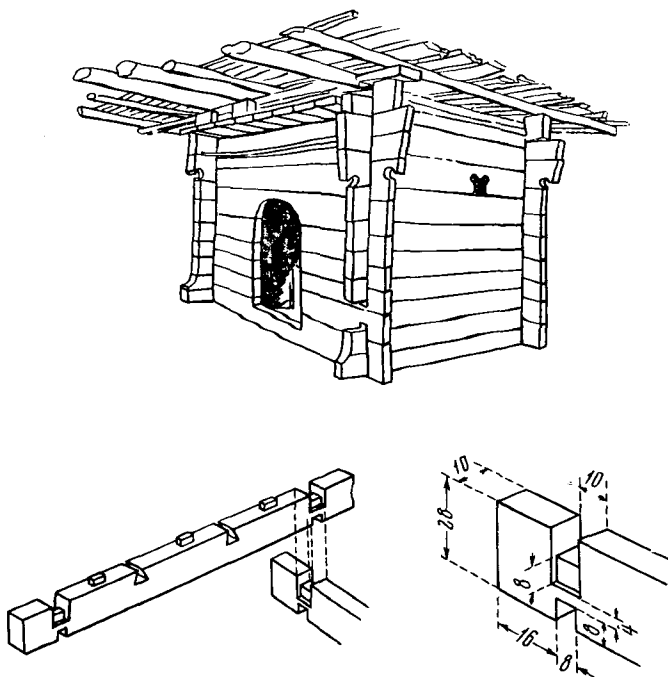

Рис. 2. Амбар гыклуш. Врубки. Цумадинский р-н

расположены в них в два яруса, а продольные стены (фасадная и задняя) перерублены посередине теми же крестобразными опорами. Здесь уже полностью подтвердилось тождество архитектуры амбаров-зернохранилищ и деревянных жилых домов. В 1940 г. архитектором В. Л. Циолосани были обмерены дома цезов с жилыми этажами, целиком срубленные из пластин (дом Махмада Али оглы в с. Хутрах и др.).

Деревянные конструкции во всем Дагестане отличаются подлинным совершенством и разработанностью разнообразных приемов соединения элементов. Любопытно, что все соединения выполняются в них без применения металла (и это на территории древнейшего очага металлургии!) или клея, на одних врубках. Даже дверные замки различной, порой довольно хитрой конструкции, делаются целиком деревянными. В упомянутых амбарах (типа гыклуш) применены весьма совершенные врубки (рис. 2), гораздо более сложные, чем в аналогичных амбарах Грузии¹ или в русских срубах «с остатком». Амбары другого типа — каркасные (их называют «кьам» в Чародинском и Гунибском районах и «цагьур» — в Советском районе) имеют легко собираемую и разбираемую конструкцию. В ней все элементы соединены в шпунт и стянуты по углам четырьмя деревянными стяжками; с задней стороны в прорез каждой стяжки заклинивается чека. Выбив четыре чеки, можно огромный цагьур дли-

¹ Эти врубки изображены у М. Гараканидзе в книге «Грузинское деревянное зодчество», Тбилиси, 1959, табл. 136.

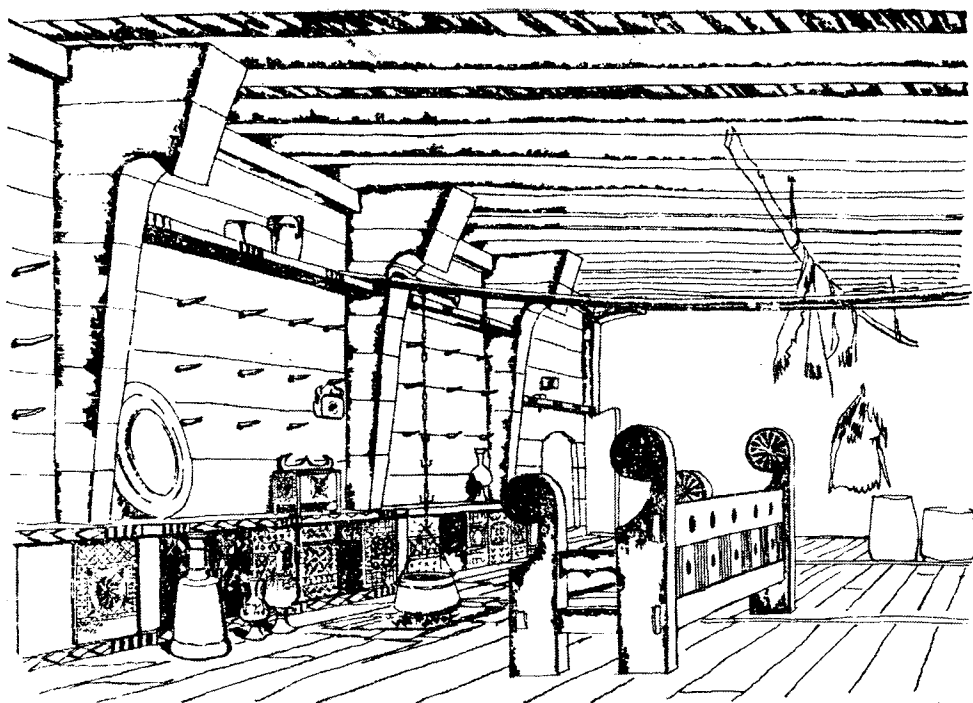

Рис. 3. Интерьер дома Шамилева в сел. Тинди Цумадинского р-на

ною в 3 м, высотой и глубиной в 2 м разобрать на отдельные доски и, если надо, перенести в другое место.

В старых домах Советского и Цумадинского районов я видел деревянные полы из массивных досок, которые собраны с обратной стороны в щиты на длинных поперечных шпонах, имеющих в сечении известную у нас форму «ласточкиного хвоста». Потайными шпонками в форме двухстороннего ласточкиного хвоста соединяются части громадных капителей, если они составные. Все такие врубки и соединения по совершенству и сложности вполне сравнимы с нашими европейскими столярно-плотничными изделиями времен дозаводского, ручного изготовления. Разве это не вернейший признак древности обращения с деревом как строительным материалом?

С. Асиятилов приводит интересные данные о развитом профессионализме мастеров деревянного дела. К слову, обозначающему профессию специалиста по дереву — «плотник» или «столяр», в Аварии прилагается звание «устар» (букв. мастер) — «цІулал устар». Такого «звания» нет ни у одной другой профессии (кроме ювелиров), в том числе и у каменщиков — «кьадахъан»².

Амбар с закромами в виде деревянного домика распространен по всей Аварии. Уже упоминалось о двух его коренным образом различающихся конструкциях. Амбар срубной конструкции «с остатком», называемый «гьикІуш» или сходными у соседних народов терминами, встречается у народов андо-цезской группы: цезов, тиндалов, багулалов, ботлихцев, годоберинцев, каратинцев. Этот ареал совпадает с областью сохранившихся срубных конструкций в самом жилище: у бежтинцев, цезов, тиндалов, багулалов.

² С. Асиятилов, Место художественных промыслов и ремесел в хозяйстве аварцев в прошлом и настоящем, «Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы. Дагестанского филиала АН», Махачкала, 1966, стр. 15.

Другой тип амбара — аварский («къам», «цагъур») имеет каркас из стоек с заполнением промежутков горизонтальными досками. Иногда в его стене делают фальшивые арочные окошечки. Такой амбар еще более, чем срубный гыклуш, похож на жилой дом в миниатюре. В ареал каркасного амбара вписывается также ареал жилища с внутренним деревянным каркасом и внешними деревянными каркасными стенами, о которых говорилось выше.

Совокупность и сопоставление всех приведенных фактов свидетельствуют о том, что перед нами не отдельные деревянные архитектурные детали, а признаки древнего жилища, целиком основанного на дереве и что юго-западная Авария была очагом своеобразного деревянного домостроения, почти везде исчезнувшего. Существовали, очевидно, два конструктивных варианта домов, схематично распределяемые так: срубный вариант — у цезских народов и у части андийских и каркасный — у аварцев (по крайней мере среди носителей гидатлинского диалекта). За пределами этих ареалов почти все описанные признаки деревянного дома теряются, и уверенно говорить о его бытовании трудно, так как древние жилища или сведения о них отсутствуют.

По ряду причин деревянное домостроение не могло в Аварии возникнуть и распространиться поздно. Помимо общего соображения, что дерево является древнейшим строительным материалом человека везде, где есть леса, надо также иметь в виду, что в горах Дагестана оно стало дефицитным очень давно. Вот мнение специалиста об этом: «...К началу исторического периода склоны в верхних частях покрыты лесами — сосновыми и березовыми во внутреннем Дагестане... С поселением на территории Дагестана скотоводов началось быстрое обезлесение и ксерофитизация растительного покрова. Вырубая леса, выпасая скот по кустарникам, первобытный человек особенно сильно обнажал южные склоны, где скот выпасался зимой... Обнаженные южные склоны уже не могли заселяться мезофитной растительностью травянистой, древесной или кустарниковой, а превращались в голые пространства осыпей и скал или покрывались нагорными ксерофитами»³. Следует заметить, что селения Аварии располагались именно по южным склонам.

Из большого полевого материала на эту тему приведу только два примера. В багулальском селении Кванада в 1946 г. было записано от

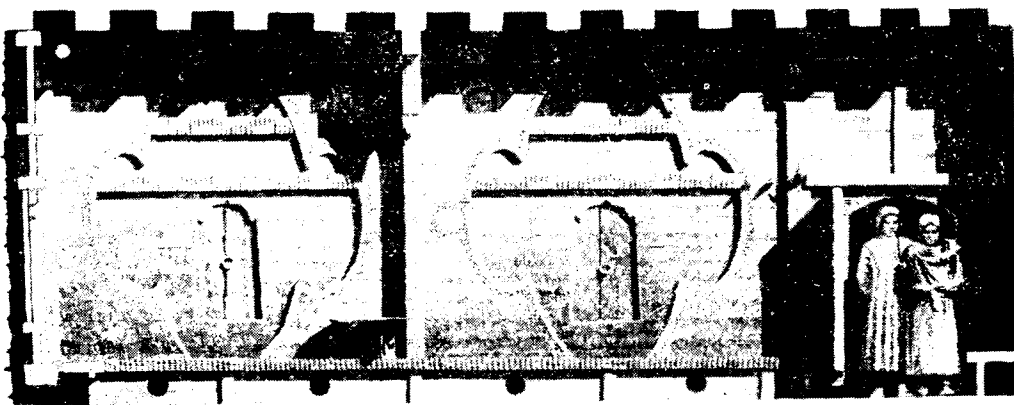

Рис. 4. Внутренняя деревянная несущая стена в доме Абузара Ибрагима со встроенными шкафами-амбарами в сел. Урада. Советский р-н

³ Е. В. Ш и ф ф е р с, Природная кормовая растительность Горного Дагестана, в кн. «Природные ресурсы Дагестанской АССР», М.—Л., 1946, стр. 183.

стариков-информаторов древнее предание, свидетельствующее о ценности леса. Вот оно: «Гимерсинцы (Гимерсо — тоже багулальское селение) срубили принадлежавшие нашему джамаату большие деревья. При поимке произошло столкновение. 40 человек было убито. За это на них пошли войной. Всех гимерсинцев убили, а селение их разорили. Случайно осталось в живых двое детей — брат и сестра. От них возродился гимерсинский народ. Аул был построен на новом месте»⁴.

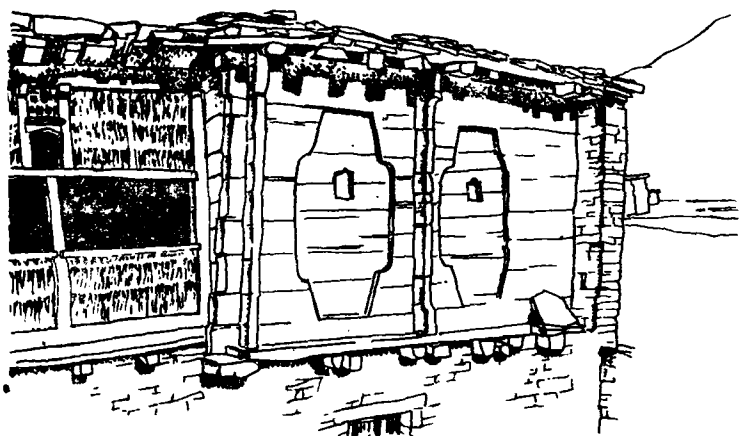

Рис. 5. Второй этаж жилого дома в сел. Мачада Советского р-на с деревянной наружной стеной

В 1963 г. студент исторического факультета Дагестанского университета Г. Магомедов рассказал, что вокруг с. Гента и в соседних местах «под культурным слоем земли толщиной в 50—60 см найден слой угля от сжигания лесов. Там по сей день можно обнаружить сосновые пни до двух обхватов толщиной»⁵. Предания о лесах, расположенных рядом с селениями, записаны в Телетле, Ругудже, Мехельте и многих других аулах. Место для аула Мехельта, например, было выбрано именно в связи с тем, что кругом были большие леса и озера. От тех и других давно не осталось следа.

Деревянные столбы, прогоны-матицы в старых домах поистине громадны. В жилых камерах дома Хаду Гитине в Тидибе были обмерены неразрезные прогоны длиной около 14 м, высотой в 90 см и центральный столб шириной в 1 м 27 см у основания. Центральный столб (сосновый) в одном из домов с. Хонох Советского района имел внизу (в комле) чудовищную ширину — 1 м 70 см и т. д. Представляется невероятным, чтобы такие гигантские кряжи могли при отсутствии колесных средств передвижения, перевозиться издалека на саянах-волокушах по трудно проходимым тропам. Очевидно, что в прошлом лес, причем лес из деревьев-исполинов, каких наверняка не встретишь теперь на всем Кавказе, был распространен в пустынном ныне Дагестане весьма широко.

У багулалов и бежтинцев сохранились признаки приспособления деревянного срубного жилища для обороны. Так, в с. Хуштада галерея жилого этажа была закрыта на высоту около 2 м (выше роста человека) толстыми пластинами. В каждом пролете прорезано по амбразуре размером примерно 20×20 см арочной формы. Галерея оказалась затемненной, а комната, освещаемая через галерею, совсем темной. В бежтино-антльратльской зоне торцы балконов и галерей наглухо забраны пластинами; за этими торцами находятся нары для сна, а над ними,

⁴ Полевые записи хранятся у автора.

⁵ Полевые записи 1946 и 1963 гг.

в глухих деревянных стенках прорезаны глазки-амбразуры для наблюдения и боя. Несмотря на то, что при бытовании старого огнестрельного оружия стена из досок в 10 см толщиной служила достаточным укрытием, представляется все же наиболее вероятным, что такие приемы защиты родились еще до появления огнестрельного оружия.

Есть и другие, косвенные доказательства древности деревянных домов. Одна из распространенных тем устных преданий — пожары. В 1946 г. Е. М. Шиллингом в Карате записано предание о пожаре в ЭшхIа. «Главный в древности аул каратинцев — ЭшхIа, — говорится в предании, — был подожжен тукитинкой (Тукита — тоже каратинский аул. — Г. М.). Она мстила за кровь. ЭшхIа сгорел дотла. Люди основали рядом Карату и перешли жить туда. Было это лет 300 назад»⁶.

Подобные предания свидетельствуют о широком использовании дерева в наружных стенах домов именно в прошлом, потому что в эпоху преобладания каменной наружной одежды домов количество пожаров становится в Дагестане ничтожно малым при той же чрезвычайной скученности селения⁷. Конечно, надо учитывать, что со временем исчезла и главная причина пожара — поджог из мести.

Способы обработки дерева не мешают отнесению его к древности. Правда, в Аварии в основных конструкциях не сохранилось первичного элемента — круглого бревна, так что мы застаем сравнительно высокий уровень обработки дерева: применяются только чистообрезные брусья и пластины-доски до 10 см толщиной. Но уже сама система перекрытий из балок огромного сечения, уложенных плашмя, т. е. наименее экономичным образом, с малыми промежутками, иначе говоря, с нескрываемым расточительством дерева, несомненно весьма архаична.

Дерево обрабатывается старыми способами — без пилы и рубанка — топором и теслом. В самых ответственных местах на поверхности теслом наносится узор легких ногтевидных штрихов.

Еще более убедительно свидетельствуют о древности дерева его художественные формы.

Как понять настойчиво повторяющиеся повсюду крюкообразные отростки, не оправдываемые никакой практической надобностью? Позволю себе в качестве бросающейся в глаза аналогии упомянуть родственные по форме отростки на известных «рогатых» деревянных сосудах и утвари, прекрасно изображенных художником М. Джемалом и описанных в известной публикации А. А. Миллера⁸. Ареал распространения этих изделий тот же, что и рогообразных крюков в архитектуре: это территория расселения цезов, тиндалов, багулалов, каратинцев, а также аварцев гидатлинского диалекта. Рогообразное оформление имеют и концы упоминавшихся стяжек в цагъурах — зернохранилищах, и капители некоторых столбов (рис. 7). Представляется, что все такие родственные формы можно считать пережиточными и искаженными изображениями рогов быка, букраниями, свойственными, как считают археологи, носителям раннеземледельческих культур. Сами внутренние деревянные стены «цIулал рукъ», включающие шкафы-амбары и основные столбы, часто украшаются такой богатой резьбой со множеством древних символов — солярных дисков, спиралей, шевронов и пр., как никакая другая архитектурная деталь или предмет быта. К древним изобразительным формам, воплощенным в деревянных конструкциях,

⁶ Е. М. Шиллинг, Каратинцы (рукопись), Архив Ин-та этнографии АН СССР.

⁷ Е. И. Козубский в работе «Памятная книжка Дагестанской области» (Темир Хан Шура, 1902, стр. 9) приводит процент домов пострадавших от пожара в Аварии в начале 1890-х годов — 0,38, в то время как в России в те же годы процент таких домов был в 12 раз выше — 4,31 (см. «Статистика Российской империи», т. IX, СПб., 1896, стр. 31, 50).

⁸ А. А. Миллер, Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана, «Материалы по этнографии Гос. русского музея», т. IV, вып. I, Л., 1927.

следует, вероятно, отнести и широко распространенный на Кавказе тип подбалки — капители с разнообразными «солярными» дисками. Эта капитель имеет в аулах общества Гидатль особенно мощный силуэт. З. А. Никольская, основываясь, очевидно, на терминологической ассоциации, считает, что гидатлинский столб изображает дерево, следы почитания которого у аварцев сохраняются. Центральный столб называется «тлолбол хлуби», т. е. столб тлибила — родовой группы (другой смысл — корневой столб, так как тлибил значит также «корень») ⁹.

Перед нами, таким образом, следы древних воззрений, оформленных в элементах деревянного жилища.

Описанные древнейшие родственные архитектурные формы распространены на такой относительно большой территории, что даже самое старое жилище мы находим здесь в нескольких вариантах, довольно существенно между собою различающихся. Их здесь по крайней мере четыре: тиндало-багулальский, годоберинский, гидатлинский и бежтинский ¹⁰. И во всех вариантах эти родственные формы в том или ином виде проступают. Отсюда можно сделать вывод, что описанные деревянные рогообразные детали принадлежали какому-то более общему и более древнему культурному слою, на основе которого впоследствии развились и оформились упомянутые разные варианты жилища.

Деревянное домостроительство распространено в горах Кавказа к западу от Аварии у многих народов. Древние срубные жилища известны у чеченцев, карачаевцев, балкарцев, почти повсеместно в Грузии и т. д. Они тоже имеют большую давность. Найденные в Самгорском кургане срубные жилища датируются рубежом III и II тысячелетия

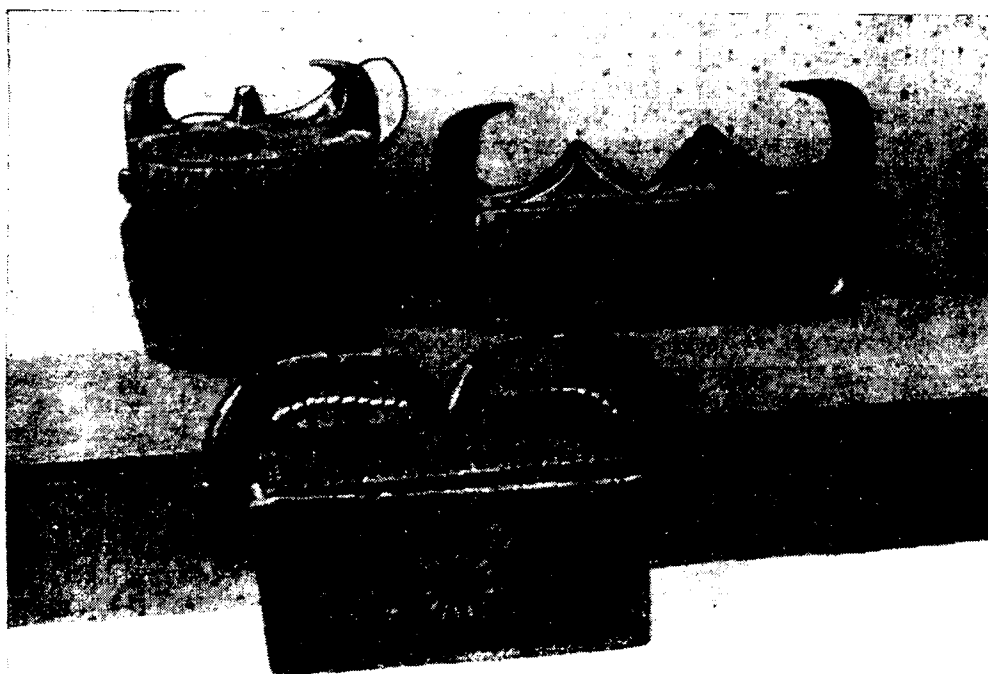

Рис. 6. «Рогатая» утварь из сел. Тинди. Собственность автора

⁹ З. А. Никольская, Из истории аварского жилища, «Сов. этнография», 1947, № 2, стр. 158.

¹⁰ Г. Я. Мовчан, Предварительные заметки о типологии народного жилища Нагорного Дагестана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. IV, М., 1948.

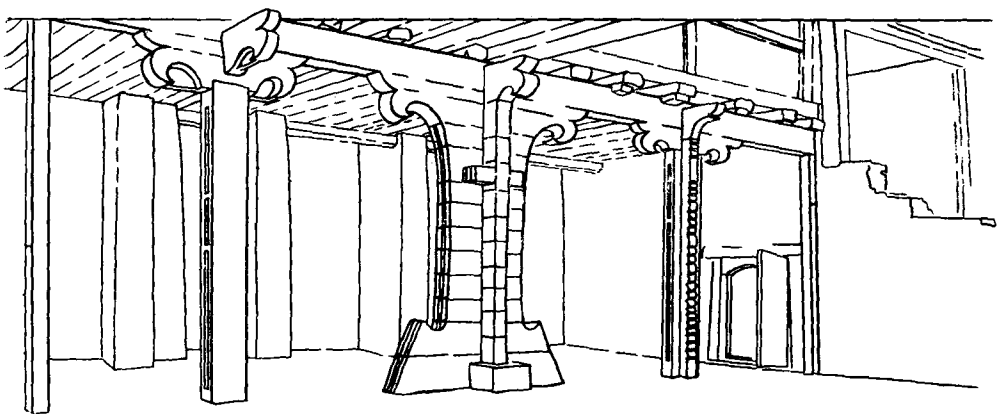

Рис. 7. Внутренние несущие столбы с рогообразными отроутками в доме Нурмагомедова в сел. Урада

до н. э.¹¹; у карачаевцев Л. З. Сумбадзе обнаружены срубные жилища, идентичные, по его мнению, описанному Витрувием жилищу колхов¹²; о деревянном домостроительстве в районах Кавказа, расположенных близ Черного моря, находим сведения и у других античных писателей¹³.

Там, где деревянное жилище не сохранилось, остались его следы. Так, внутри староосетинского хадзара по периметру возле каменных наружных стен поставлены деревянные столбы совершенно так, как в аулах Аварии. Перед нами снова деревянные каркасные дома с каменными ограждениями¹⁴. Деревянные каркасные фасадные стены есть и у хевсур¹⁵. Интересный пример каркасной внутренней стены с закрома-ми за нею, сходной с гидатлинской и сплошь покрытой резьбой, нашел у чеченцев Б. Плечке¹⁶. Некоторые из охарактеризованных выше деревянных конструкций, например стяжные стержни в амбарах, встречаются и за пределами Аварии.

Наконец, ни с чем не сравнимы по широте распространения и един-ству форм деревянные домики-амбары с закромами, имеющие как сруб-ную, так и каркасную конструкцию. Такие амбары можно видеть в районах Горного Кавказа у хевсур¹⁷, южных осетин¹⁸, в Горной Раче¹⁹, Сванетии²⁰, Лечхуми, Гури, Имеретии²¹ и т. д. На Северном Кавказе они зафиксированы, насколько мне известно, только в Северной Осетии²² и в Горной Чечне²³. При всем разнообразии форм самого жилища в го-рах Кавказа этот его элемент — шкаф-амбар — является здесь наибо-

¹¹ М. Гараканидзе, Указ. раб., стр. 20.

¹² Л. З. Сумбадзе, Колхидское жилище по Витрувию, «Архитектурное наслед-ство», 1958, № III, стр. 92.

¹³ Сведения Ксенофонта, Арриана, Помпония Мела см. в кн. В. В. Латышева «Из-вестия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», тт. I и 2, СПб., 1893 и 1896.

¹⁴ И. А. Мамиев, Архитектура жилища Горной Осетии, Канд. диссертация, М., 1941, чертежи 66, 67, 72 и др.

¹⁵ М. И. Джандиери и Г. И. Лежава, Архитектура горных районов Грузии, М., 1940, рис. 23, 25, 31, 35.

¹⁶ Bruno Plaetschke, Die Tschetschenen, Hamburg, 1929, fig. 62 — двухэтажный стенной шкаф со скамьей-ларем из с. Малхиста. Шкаф имеет, по словам автора, за-крома для зерна. Плечке пробует найти ему аналогии даже в Бретани (стр. 101—102).

¹⁷ М. И. Джандиери, Г. И. Лежава, Указ. раб., рис. 5, 8, 18, 26.

¹⁸ Там же, рис. 49, 54, 57, 58.

¹⁹ Там же, рис. 70, 71, 73, 90.

²⁰ Там же, рис. 116, 117, 118.

²¹ М. Гараканидзе, Указ. раб., многие рисунки.

²² И. А. Мамиев, Указ. раб., рис. 66, 67, 72, 73.

²³ Bruno Plaetschke, Указ. раб.

лее устойчивым. Его можно, вероятно, принять за остаток каких-то общих в прошлом почти для всего Горного Кавказа домостроительных основ.

Однако деревянный дом юго-западной Аварии следует ввиду компактности ареала и яркой обособленности признаков рассматривать как особый, местный очаг деревянного домостроительства. Этот очаг можно связать с выделенным Д. М. Атаевым в пределах раннесредневековой Аварии самостоятельным бежтино-дидойским культурным очагом²⁴, хотя границы последнего уже границ деревянного домостроительства в Аварии, даже если рассматривать только срубный вариант.

Анализ деревянного домостроения в Аварии будет неполным, если не сказать о глиноплетневых (турлучных) постройках. На фотографиях А. К. Сержпутовского, снятых им в 1910 г. в с. Карата²⁵, показаны ряды — мы бы сейчас сказали — блокированных домов под одной крышей с деревянным каркасом и плетневым заполнением. По-видимому, такова же конструкция ряда двухэтажных блокированных домов в с. Ботлих²⁶. У каратинцев турлучных домов много до сих пор. Глиноплетневая конструкция применяется широко и в остальном Дагестане, но преимущественно во второстепенных частях строений — перегородках, отдельных стенках и т. п. Наилучшие же по архитектуре глиноплетневые жилища найдены в самом центре Аварии, в Гидатле, где, как в узле, сплелись и дали самые развитые формы различные линии развития архитектуры — деревянной, каменной и турлучной.

Таким образом, глиноплетневые конструкции, одни из древнейших в плоскостном и предгорном Северном Кавказе, распространяются в Горной Аварии глубоким клином с западной стороны (возможно, из Ичкерии), принимая в Аварии плоскую крышу, вызванную скученностью дагестанского селения, и как бы разделяя области деревянного и каменного домостроения.

Все сказанное о деревянном домостроительстве находится в известном противоречии с общепринятым взглядом на Горный Дагестан как страну каменного домостроительства. Этот взгляд основан на целом ряде фактов.

Так, в Дагестане древность каменного жилища установлена археологией²⁷. Есть и архитектурные свидетельства многовековой культуры каменного дела. Например, в известной петроглифике Аварии отразились в непрерывной эволюции представления древних обитателей по крайней мере с эпохи бронзы до XIX в. Эти идеограммы и символы, а позднее узоры, будучи нанесенными на камнях в кладке жилых домов, свидетельствуют о той же непрерывности возведения стен из камня.

Уже в XVII в. каменная кладка, покрытая резьбой, достигает в Дагестане высокого художественного уровня, превосходящего известный нам уровень каменной жилой архитектуры у других горцев Северного Кавказа. Таковы настоящие каменные «палаццо» — дом Кураха Гарчабила в Ругудже, дом Ачанкилау в Короде²⁸ (оба — XVII в., Гунибский район) и даже значительно более ранний «БасхIан хъала» в с. Кванада (Цумадинский район). Выкладка стен боевых башен, распространенных в Аварии, как и повсеместно на Горном Кавказе, в частности правильное их утонение, возможны только при владении прове-

²⁴ Д. М. Атаев, Нагорный Дагестан в раннем средневековье, Махачкала, 1963, стр. 89—90 и др.

²⁵ Государственный музей этнографии, фото № 2371—24, 26 и 27.

²⁶ Там же, фото № 2370—21.

²⁷ В. М. Котович, Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы Горного Дагестана, Махачкала, 1965; М. Г. Гаджиев, Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях до н. э., «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», № 108, 1966.

²⁸ Этот дом изображен в публикации Н. Б. Бакланова «Архитектурные памятники Дагестана» (Л., 1935).

ренными длительной практикой правилами геометрического расчета, а это, в свою очередь, предполагает давнюю профессионализацию мастеров. Тем не менее, все приведенные примеры не обладают такими глубоко архаичными чертами, как описанные раньше деревянные Ф-образные окна, рогообразные отростки и пр. По своим стиливым признакам — рационализму лишенных иносказаний форм, стремлению к «правильной» композиции фасада в целом и пр. они принадлежат миру гораздо более близкому нам, более позднему, чем архитектура дерева и даже чем, скажем, архитектура каменных домов-крепостей Хевсуретии или Чечено-Ингушетии.

Кроме того, относительное совершенство форм в каменных сооружениях относится скорее к художественной стороне архитектуры, а не к техническому уровню специфических каменных конструкций. Последний же следует признать гораздо более примитивным по сравнению с конструкциями деревянными.

Вот несколько примеров. Кладка повсеместно ведется без раствора или на архаичнейшем земляном растворе, не придающем ей никакой прочности и выполняющем только роль защиты от продувания. В. М. Котович описала и показала в чертежах остатки каменных стен эпохи бронзы²⁹. На протяжении четырех тысячелетий способ возведения каменных стен остался неизменным (там, несомненно, тоже был земляной раствор, впоследствии размытый и выветрившийся). Даже боевые башни Аварии сооружаются кладкой насухо или, чаще, на земляном растворе, и это в окружении народов, где по крайней мере башни возводились на известковом растворе³⁰. О применении же известкового раствора в Аварии есть только глухие и разрозненные упоминания³¹.

Настоящих фундаментов в старых каменных домах нет. Где грунт мягок, стены углубляются не больше чем на 50 см, без обреза. Элементарнейшее правило перевязки швов, особенно необходимое при кладке без раствора, не усвоено: вертикальные швы часто совпадают друг с другом на протяжении многих рядов. Все это влечет за собою постоянное появление трещин в кладке и просадку стен. От обрушения их спасает пластичность земляного раствора и, конечно, соединяющие их деревянные перекрытия и каркасы.

Уровень технической культуры каменных сооружений в значительной степени определяется способом перекрытия проемов — дверных, оконных и прочих. На этом стоит остановиться.

Повсеместно и издавна проемы перекрываются при помощи закладных деревянных брусев. Такая конструкция, без сомнения, порочна: балки гниют. Проем в каменной стене получает прямоугольную форму,

²⁹ В. М. Котович, Указ. раб.

³⁰ На «весьма прочном» известковом растворе возводились все башни у джаробелоканских аварцев (Л. Бретаницкий, Л. Мамиконян, Оборонительные сооружения Закатальского и Белоканского районов, в кн. «Архитектурные памятники Азербайджана», Баку, 1950, стр. 116); в Южной Осетии (С. В. Бессонов, Башни и замки Южной Осетии, «Архитектура СССР», 1934, № 3); в Северной Осетии (И. М. Мамиев, Указ. раб.); в Ингушетии (И. П. Щерблякин, Искусство ингушей в памятниках материальной культуры, «Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения», вып. 1. Владикавказ, 1928, стр. 273 и 288); в Сванети (Г. И. Лежава, Сванский жилой дом, Автореферат канд. дисс., М., 1966, стр. 9) и т. д.

³¹ Так, в личной беседе научный сотрудник Ин-та истории, языка и литературы в Махачкале М. Агларов сообщил мне, что М. И. Артамоновым установлено наличие известкового раствора в кладке разрушенной башни близ с. Чох. Д. М. Атаев упоминает об «очень прочном» известковом растворе в склепах V—VII вв. н. э. в с. Мереб Гунибского р-на (Указ. раб., стр. 45) и др. Мною много раз были записаны предания о кладке башен на известковом растворе, «на муке», «на яйцах», «на крови пленников» и пр. Аналогичные сведения сообщает и А. Исламагомедов (см. А. Исламагомедов, Из истории материальной культуры аварцев, Автореферат канд. дисс., Махачкала, 1967, стр. 14). За многие годы исследования памятников Аварии я встретил только один раз известковый раствор — в нижней части большой боевой башни в с. Кахиб Советского района.

но внутри его дверная колода завершается аркой, по форме совершенно подобной арочным дверцам цагъуров. Арки делают чаще всего килевидными, полукруглыми или плоскими. Поскольку они врезаны в боковые стойки дверного проема, ширина арочного выреза в них должна быть меньше ширины проема, а пять арок должны свешиваться.

При перекрытии малых пролетов (амбразур башен и малых окон домов-крепостей) в Аварии весьма рано появляется и каменная арка,

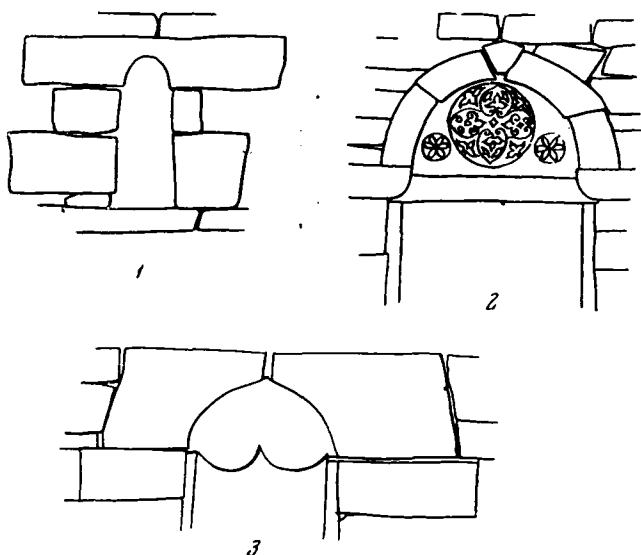

Рис. 8. Формы каменных арок: 1 — в сел. Мусрух, Гента Советского р-на и др.; 2 — в доме Алилай в сел. Ругуджа Гунибского р-на; 3 — в доме Энказул в сел. Мачада

но в архаических образцах она бывает вырезана в одном каменном блоке-архитраве. Это не настоящая арочная конструкция: ясно, что, вырезая в архитраве арку, мы только ослабляем его. Конструктивно она не имеет смысла. Арка родилась здесь как архитектурная форма, а не как конструкция. Позже мы встречаем арку, составленную из двух консольных полуарок, наконец, между ними появляются третий и четвертый камень, но без соблюдения радиальности швов, необходимой для того, чтобы она «работала» как арка. Перед нами возникает картина длительного нащупывания, открытия клинчатой арки. То же самое можно наблюдать и у других горцев Кавказа, там, где сохранились древние каменные формы³². Можно было бы думать, что конструкция клинчатой арки появляется здесь самопроизвольно, если бы не ясно ощущаемый скачок между прежними робкими попытками, осуществляемыми к тому же на малых проемах, и сразу возникающей правильной многоклинчатой аркой, возводимой, без сомнения, по кружалам и на больших проемах. Такая настоящая арка появляется в Аварии, видимо, около XVII в., вероятнее всего, вслед за исламом из Южного Дагестана, где она осваивается раньше³³, и быстро становится (из-за дефицита дерева) господствующей архитектурной формой.

³² Архаическая арка — архитрав или арка, образованная напуском кладки при отсутствии арки клинчатой, встречаются на Кавказе повсеместно: в Хевсурети (С. Макалатия, Хевсурия, Тифлис, 1935, рис. 35; М. Джандиери и Г. Лежава, Указ. раб., рис. 14, 10), в Тушети (С. Макалатия, Тушетия, Тифлис, 1930, рис. 28), в Горной Раче (М. Джандиери и Г. Лежава, Указ. раб., рис. 64, 87), в Осетии (И. А. Мамиев, Указ. раб., стр. 151) и других областях.

³³ Арка в Южном и Центральном Дагестане в культовом строительстве известна очень давно (мечети в Дербенте, Кумуке, Риче и пр.). О применении арки и свода в народом жилище см.: С. О. Хан-Магомедов, Арочные конструкции в народной

У всех каменных арок есть, однако, одно примечательное свойство: они поддерживают лишь тонкий слой кладки, расположенный с фасада. За аркой проем имеет прямоугольную форму, и вся остальная толща стены по-прежнему лежит на закладных деревянных брусках. При устройстве дверных створов или оконных ставен строитель не умеет приспособиться к арочной форме проема. Арка не проходит насквозь является чистой декорацией, а дверные полотна остаются прямоугольными, как это издревле было в цагъурах и гыклушах, когда прямоугольные полотна дверей с фасада закрывались декоративными деревянными арками.

По некоторым деталям каменные лицевые арки на фасадах напоминают деревянные. Например, многие старые каменные арки имеют свешивающиеся над пролетом пяты — старый дом в с. Гоор, дом Андиль Алилай в с. Ругуджа (рис. 8, 2). В камне такая конструкция настолько же бессмысленна, насколько она естественна в дереве. Клинчатые арки в доме Андиль Алилай готовы «проскочить» в проем, не будь двух каменных консолей, на которые они опираются. Кстати, в этом же доме в полукружия под арками окон и двери вставлены резные тимпаны из одного камня, лежащие, однако, на деревянных оконных и дверных колодах. Это ли не пример беспомощности строителей в решении задачи каменного перекрытия проемов, причем в одном из лучших домов Ругуджи — центра каменного мастерства! Другой пример: каменные арки делаются, как деревянные, килевидными, и килевидная прорезь долго мешает правильному применению замкового камня в арке.

Из всего этого возникает странное, на первый взгляд, предположение, что каменная арка воспроизводит привычную деревянную арочную форму. Вот еще одна деталь в пользу такого предположения. В цагъурах над арочными дверками располагается обычно выступающая тяга — выходящая вперед горизонтальная доска, в которой сзади в гнездах укреплены пальцы двух створок дверцы. Эти тяги обрабатываются с фасада крупными вертикальными валиками, как в сванском мацубе. В каменном доме Кураха Гарчабила в Ругудже над арками окон проложена такая же выступающая тяга в камне, обработанная такими же валиками. Не нахожу другого объяснения ее присутствия, как только подражание привычной тяге над арками в деревянной стенке.

Настоящего свода Авария не применяет вовсе, решительно отличаясь в этом от Южного Дагестана — там свод, как и клинчатая арка, появляется, по-видимому, рано³⁴ — и, конечно, Азербайджана, где свод широко распространен в народном строительстве ряда районов (Апшерон, Ордубад, Кировабад). Даже примитивную конструкцию так называемого ложного свода, образованного перекрытием углов гори-

архитектуре Дагестана, «Архитектурное наследство», 1958, № 11. С рядом положений этой статьи нельзя согласиться: например, с тем, что арка, высеченная в одном архитектурном камне, делается якобы в подражание уже известной клинчатой арке.

³⁴ Любопытно, что свод в Аварии все-таки был. Если даже не считать христианских церквей грузинской работы, например церкви близ с. Датана, перекрытой коробовым сводом на подпружных арках, настоящий свод, возведенный по кружалам, встречен мною в старой часовне для омовения («кулгIа») в с. Корода. В этом селе мне рассказали, что тем же мастером, якобы местным, построена еще одна сводчатая кулгIа близ с. Ботлих. Отметим, однако, что культовые сооружения возводили обычно мастера приглашенные.

Больше сводов нигде нет. Они остались совершенно невосприимчивыми, и в данном случае вполне уместно сказать: исключение подтверждает правило.

По этим причинам нельзя принять неоднократно цитируемого высказывания Н. Я. Марра о том, что грузинская строительная терминология «до последнего гвоздя» основана на аварских терминах и что «армянский архитектурный термин „кIамуран“ — мост — чистейшее аварское слово „кIамури“» (кьо) по-аварски «мост на сводах» (см. Н. Я. Марр, Непочатый источник истории Кавказского мира, Пг., 1917). Аварцы, насколько мне известно, не употребляли свода при строительстве мостов. За многие годы исследований в Аварии мною не обнаружен ни один действительно старый «мост на сводах». Кстати, не знали аварцы и гвоздя.

зонтальными плитами и годного в этом случае лишь для перекрытия ничтожных пролетов (1,5—2 м) нельзя в Аварии считать старой: ее нет ни в одном древнем памятнике и как раз там, где она была бы более всего необходима. Так, свода нет нигде в перекрытиях нижнего этажа башен, в то время как соседние народы Горного Кавказа его делают ³⁵. Тем самым оборонительные качества дагестанской башни становятся значительно слабее. То же можно сказать и о деревянных перекрытиях первых этажей домов-крепостей. Ложные своды, как и клинчатые арки, поддерживающие перекрытие, появляются, очевидно, в связи с дефицитом дерева и получают широкое распространение лишь в XIX в. Особенно много их в таких заново отстроенных аулах как Телетль, Согратль.

Таковы вкратце признаки неразработанности каменных конструкций в Дагестане. Они кажутся прошедшими меньший путь развития и менее совершенными по сравнению с конструкциями деревянными.

Подведем итоги, хотя многое остается неясным. Не опровергаются ли, например, приведенные факты и предположения отсутствием находок деревянного жилища в археологических материалах? Или мы вправе считать, что это еще не доказательство отсутствия самих жилищ и сослаться на мнение археологов, говорящих о слабой изученности поселений и жилищ в горах Дагестана, особенно периода средневековья ³⁶?

Может быть, обнаружение дерева при раскопках вообще трудно: деревянное строение ни при каких обстоятельствах не могло на рельефе начинаться с самой земли. Внизу, очевидно, была выравнивающая каменная субструкция. Она и дает находимые археологами развалы камня. Эта субструкция могла быть и основой для нанесения петроглифов. Конечно, все это лишь предположения. Однако несмотря на неясности, вернее, пробелы в наших сведениях, сохранилось слишком много данных, которые в совокупности позволяют утверждать следующее.

В Аварии, по крайней мере в юго-западной части, на территории Советского, Тляротинского, Цунтинского и Цумадинского районов есть многочисленные и бесспорные признаки распространения деревянных домов, предшествовавших всем, даже самым старым из сохранившимся каменным жилищам. Деревянные дома бытовали здесь до сложения более поздних различных местных вариантов жилища. Следы древнего деревянного домостроения обнаружены и у других народов Кавказского нагорья.

³⁵ Ложный свод, образованный напуском горизонтальных рядов кладки без кружала, встречается в башнях у осетин (И. А. Мамиев, Указ. раб., стр. 163), ингушей (И. П. Щерблякин, Указ. раб., стр. 279, 288), хевсур (С. Макалатия, Хевсурия, рис. 99), сванов (Г. И. Лежава, Указ. раб., стр. 9). В башнях джаро-белокаканских аварцев свода нет.

³⁶ Д. М. Атаев, Указ. раб., стр. 22.

SUMMARY

Daghestan — «Land of Stone» is known as a region of stone buildings. However an analysis of structures and architectural forms shows that wooden buildings preceded stone ones. The latter superseded the former as a result of the depletion of forests; at least this was so in the south-west of Daghestan, in Avaria, where traditional forms of material culture have been better preserved than in the rest of the country.

Even in houses with stone walls a wooden framework has been preserved; this bears the whole load of the overhead cover. Remaining fragments of outer and inner wooden walls correspond with the shape of wooden barns. Very highly skilled methods of joining wooden parts together are used. Architectural forms are derived from ancient images — bull horns, sun disks etc. Stone structures are more primitive: earthen mortar is used, the vault (and in the earlier buildings even the wedge-arch) is unknown. Similar facts though less clearly manifested are to be met with among many other peoples of the Caucasus highlands — in mountain Georgia, among the Chechens, the Ossetes, the Karachays etc.